

Джим Батчер Возвращение веры

Аннотация

Рассказ об одном небольшом приключении Гарри Дрездена в начале его карьеры сыщика и волшебника. В России не издавался

Джим Батчер Возвращение веры

Я изо всех сил удерживал воющего ребенка, пока нащупывал четвертак для телефона-автомата и давил на кнопки, набирая мобильный Ника.

— Агенство «Оборванный Ангел», — ответил Ник. Его голос был напряженным и, как мне показалось, встревоженным.

— Это Гарри, — сказал я. — Можешь расслабиться, мужик. Я нашел её.

— У тебя получилось? — спросил Ник, затем издал длинный вздох. — О, Иисус, Гарри.

Тут малышка подняла свой оксфордский ботинок и лягнула меня в голень, попав так сильно, что я подскочил. Похожа она была на родительскую мечту: восьми или девяти лет, с ямочками на щеках и темными косичками — даже в своей изгвазданной школьной униформе. И у нее были сильные ноги.

Я получше перехватил девчонку и вновь поднял ее, в то время как она вертелась и извивалась.

— Да тише ты, не дергайся.

— Выпусти меня, тощак, — отозвалась она и обернулась, чтобы негодуя взглянуть перед тем, как начать пинаться снова.

— Слушай меня, Гарри, — сказал Ник. — Сию же минуту ты должен дать ребенку уйти

и сам уходить прочь.

— Что? — переспросил я. — Ник, Астори собираются выдать нам двадцать пять кусков, если возвратим ее до девяти вечера.

— Я получил кое-какие плохие новости, Гарри. Они не собираются платить нам деньги. Я вздрогнул.

— Опс. Тогда, наверно, я должен просто высадить ее в ближайших от дома окрестностях.

— Есть новости и похуже. Родители сообщили, что их девочка похищена, и полицейская банда рассылает по городу два описания подозреваемых для Чикагского полицейского департамента. Можешь догадаться, чьи.

— Микки и Дональда?

— Хех, — хмыкнул Ник. Я услышал, как щелкнул его Bic (прим. пер: ручка или зажигалка), и переступил с места на место. — Мы должны быть очень удачливы для такого.

— Я полагаю, что Мистеру и Миссус Высшее Могущество менее смущающе иметь их ребенка похищенным, чем сбежавшим.

— Черт, похищенная девочка даст им повод для разговоров на их сборищах в течение нескольких месяцев. Также позволит выглядеть более богатыми и известными, чем их друзья. Конечно, мы будем в тюрьме, но что это, черт возьми, значит?

— Они сами пришли к нам, — возразил я.

— Они не собираются об этом рассказывать.

— Проклятье, — буркнул я.

— Если тебя поймут вместе с ней, это может обернуться неприятностями для нас обоих. У Асторов связи. Бросай девочку и возвращайся домой. Ты был там всю ночь.

— Нет, Ник, — сказал я. — Я не могу сделать этого.

— Позволь мальчикам в голубом подобрать её. Это оставит нас обоих чистыми.

— Я нахожусь на Северной Авеню — и после наступления темноты. Я не оставлю девятилетнюю девочку здесь одну.

— Десять! — закричала девчонка разъяренно. — Мне десять, ты, бесчувственный сопляк!

Она пнула ещё несколько раз, но мне удалось более-менее увернуться от ее ног.

— Она кажется такой милой. Просто позволь ей убежать, а преступникам остерегаться.

— Ник.

— Ах, черт, Гарри. Ты опять читаешь мне мораль.

Я улыбнулся, но чувствуя гнев и напряжение во рту и животе.

— Слушай, давай договоримся вот о чем — только доберись сюда и подбери нас.

— А что с твоей машиной?

— Сломалась сегодня.

— Опять? Как насчет Эль? (жарг. El — надземная железная дорога)

— Ни гроша с собой. Мне нужно уехать, Ник. Я не могу идти вместе с ней в офис и не хочу стоять и сражаться с ней в телефонной кабинке. Так что доберись сюда и подбери нас.

— А я не хочу оказаться в тюрьме из-за того, что ты не смог пролить бальзам на свою совесть, Гарри.

— А как насчет твоей совести? — выпалил я в ответ, зная взрывной характер Ника и то, что наш разговор ограничен телефонными проводами. Мне, кажется, что Ник тоже не оставил бы девочку в этой части города.

Ник прорычал что-то невнятное, но явно непристойное, затем сказал:

— Ну ладно же, хорошо. Но я не смогу легко пересечь реку, поэтому буду ждать на дальнем конце моста. Всё, что ты должен сделать, перейти с ней мост, оставаясь вне поля зрения. Полицейские патрули в округе будут искать вас. Полчаса. Если тебя нет — я ухожу. Там опасный район.

— Дружище, верь мне. Я приду.

Мы, не прощаясь, повесили трубки.

— Ладно, ребенок, — сказал я. — Прекрати брыкаться и давай поговорим.

— Катись в ад, мистер! — крикнула она. — Отпусти меня, а то сломаю тебе ногу!

Я вздрогнул от ее пронзительного голоса и, нервно оглядываясь, отошел от телефона, полунеся, полутаща ее с собой. Последняя вещь, которая мне сейчас нужна — это толпа добропорядочных граждан, бегущих спасти ребенка.

Но улицы были пусты и лишь густая тьма царила меж разбитых уличных фонарей. Кое-где светились окна, но на крик девочки никто не вышел. Здесь как раз тот тип окрестностей, в которых люди живут и дают умереть другим.

Ах, Чикаго. Эти огромные, расплывшиеся американские города — предмет всеобщей любви — разве жизнь в них не прекрасна? Я, наверное, и вправду больной, раз пытаюсь сделать хоть что-то, в отличие от равнодушного большинства.

Эти мысли приносили легкую боль.

— Слушай, я знаю, ты сейчас сердишься, но поверь мне, я делаю то, что будет лучше для тебя.

Она перестала пинаться и свирепо зыркнула на меня.

— Как ты можешь знать, что для меня лучше?

— Я старше тебя. Мудрее.

— Тогда почему ты носишь это пальто?

Я посмотрел на свой просторный черный пылесборник, с тяжелыми, длинными полами, на складки грубой ткани, колеблющиеся вокруг моего тела.

— А что с ним не так?

— Да оно ж прямиком с Эльдорадо! — огрызнулась она. — Кем ты себя воображаешь? Ичабодом Крейном или Ковбоем Мальборо?

Я фыркнул.

— Я волшебник.

Она посмотрела на меня скептически, как смотрят дети, получившие горькую отрезвляющую пилюлю, обнаружив, что нет никакого Санта Клауса. (Ирония в том, что он есть — но он не может работать в масштабах, которые позволили бы убедить в его существовании всех. Таков современный стиль жизни.)

— Ты смеешься надо мной, — сказала она.

— Я ведь сумел найти тебя, не правда ли?

Она поглядела на меня, нахмурившись.

— А как ты меня нашел? Я думала, что в том месте абсолютно надежно.

Я продолжал идти к мосту.

— Так и было бы — в течение десятка-другого минут. А потом на этой свалке появилось бы полным-полно крыс, ищущих какой-нибудь еды.

Девочка слегка позеленела.

— Крыс?

Я кивнул. Возможно, я смогу выиграть расположение малышки, если не отвернется удача.

— Хорошо, что в сумочке у твоей мамы нашлась щетка с твоими волосами. Я собрал с нее несколько волосков.

— Ну, и?

Я вздохнул.

— Ну и я использовал немного тауматургии, которая привела меня к тебе. Это была долгая, пешая прогулка, но зато прямо к тебе.

— Таума... что?

Вопросы по-любому лучше пинков. И я продолжил отвечать на них. Черт, мне вообще нравится отвечать на вопросы о волшебстве. Профессиональная гордость, наверное.

— Тауматургия — это волшебство ритуалов. Ты рисуешь символы, связанные с реальными людьми, местами и событиями или с представляемыми моделями. Затем вкладываешь немного энергии, заставляя что-либо случиться в меньшем масштабе, чтобы то

же самое случилось в масштабе большом...

Она пригнулась как раз в ту секунду, когда я увлекся своей речью, и укусила меня за руку.

Я рывкнул то, что, вероятно, не должен был говорить при ребенке, резко отдергивая руку. Девчонка оказалась на земле и бросилась к мосту, проворная как мартышка. Я встряхнул рукой, рыча про себя, и рванул следом. Она была быстра; косички развевались позади спины, ботинки и гольфы так и мелькали.

Она первой добралась до моста, древнего сооружения с двусторонним движением, перекинувшегося через Чикагскую реку, и бросилась бежать по нему.

— Подожди! — кричал я ей вслед. — Не делай этого!

Она не знала город так, как знал его я.

— Сосунок! — раздался ее веселый голос.

Она продолжала бежать, пока большая, гибкая, волосатая рука не высунулась из-под крышки люка и обхватила сальными пальцами одну из ее лодыжек. Ребенок закричал от внезапного ужаса, падая на асфальт и обдирая кожу на обоих коленках. Кровь ярко темнела на ее белых гольфах в свете немногих работающих фонарей.

Я выдохнул проклятие и побежал к ней по мосту, надрывая легкие. Огромная рука усилила хватку и потянула девочку к люку. Я слышал утробный рычащий смех, доносящийся из темноты в отверстие, которое вело вниз, к подмостным помещениям.

Девочка кричала:

— Что это, что это? Пусть оно отпустит меня!

— Малышка!

Я подбежал к люку, подпрыгнул и ударил пятками обоих тяжелых ботинок по запястью грязной волосатой руки так сильно, как только смог. Из люка раздался рев и пальцы ослабили хватку. Девочка начала крутить ногой и, хотя это стоило ей дорогого оксфордского ботинка и гольфа, она, рыдая, вырвалась на свободу. Я схватил ее в охапку и попятился, стараясь не поворачиваться спиной к люку.

Троль не должен был вылезти из такого маленького отверстия, как люк, но он это сделал. Сначала появилась грязная рука, затем бугристое плечо, а потом уродливая и отвратительная рожа. Он смотрел на меня и рычал, продолжая вылезать из люка с непринужденной гибкостью до тех пор, пока не встал на середине моста между мной и дальним берегом реки. Он походил на профессионального борца, который пал жертвой заочного курса начинающих пластических хирургов. В одной руке он держал мясницкий топор с костяной ручкой, фута два длиной, весь в подозрительных, темно-коричневых пятнах.

— Гарри Дрезден, — прогрохотал троль. — Волшебник лишает Гогота законной добычи.

Он со свистом рассек топором воздух справа налево.

Я задрал подбородок и стиснул зубы. Никогда не позволяйте троллю увидеть, что вы боитесь его.

— О чем это ты говоришь, Гогот? Мы оба знаем, что играть со смертными уже нельзя. Так постановлено Соглашениями Неблагих.

Лицо тролля исказила отвратительная усмешка.

— Непослушные дети, — сказал он грохочуще. — Непослушные дети всё ещё мои.

Троль сузил глаза и они зажглись злобным голодом:

— Отдай! Сейчас же!

В мгновение ока он подскочил ко мне на несколько шагов.

Я поднял правую руку, высвобождая немного собственной воли, и серебряное кольцо на среднем пальце засияло ясным, прохладным светом, более ярким, чем освещение вокруг.

— Закон джунглей, Гогот, — сказал я, удерживая голос спокойным. — Выживание наиболее приспособленных. Ты делаешь ещё шаг — и сразу же попадаешь в категорию «слишком глупых для того, чтобы жить»

Тролль рычал, не останавливаясь, и поднял мясистый кулак.

— Думай об этом, темное отродье, — я тоже зарычал в ответ. Свет, исходящий от моего кольца, становился адски нестерпимым, почти ядерным. — Ещё шаг и ты — пар.

Тролль неуклюже застыл, его подвижные осклизлые губы раздвинулись, обнажая зловонные клыки.

— Нет! — слюни текли по клыкам и капали, разбрызгиваясь на асфальте, когда существо смотрело на девочку. — Она моя. Волшебник не сможет помешать этому.

— Да-а? — сказал я. — Смотри же.

С этими словами я опустил руку (сохраняя ослепляющий, серебряный свет), выдал троллю свою лучшую ухмылку, резко отвернулся, взмахнув своим темным плащом, и пошел назад, в сторону Северной авеню длинными, уверенными шагами.

Девочка смотрела поверх моего плеча, широко раскрыв глаза.

— Он идет за нами? — спросил я спокойно.

Она взглянула на тролля, затем на меня:

— Ух, нет. Он только уставился на тебя.

— Хорошо. Если он пойдет, скажешь мне.

— Ты в самом деле можешь превратить его в пар? — спросила она неуверенным голосом.

— Нет, черт возьми. Поэтому мы должны бежать.

— Но ты же... — она коснулась кольца на моей руке.

— Я лгал, малышка.

— Что?!

— Я лгал, — повторил я. — Я не такой уж умелый лгун, но тролли не слишком сообразительны. Это было только легким шоу, но он поверил и это всё, что следует занести в счет.

— Ты же сказал, что ты волшебник, — обвиняюще сказала она.

— Я волшебник, — сказал я раздраженно, — который проводил сеанс изгнания нечистой силы перед завтраком. Затем мне пришлось искать два венчальных кольца и ключи от машины, а остальную часть дня я провел, гоняясь за тобой. Я иссяк.

— Значит, ты не смог бы взорвать это... это существо?

— Это тролль. Я уверен, что сумел бы, — сказал я бодрым тоном, — если бы не был так утомлен и смог бы сосредоточиться настолько, чтобы не взорваться вместе с ним. Уставший, я целюсь плохо.

Мы дошли до края моста и, как я надеялся, края территории Гогота. Я начал опускать девочку на землю, потому что она была слишком тяжела, но тут увидел ее повисшую голую ногу и кровь, застывшую темными струпьями на колене. Вздохнув, я продолжил идти по Северной авеню. Если я спущусь до следующего моста, пересеку его и поднимусь на квартал вверх в течение получаса, может я ещё успею застать Ника на той стороне.

— Как твоя нога? — спросил я.

Ее лицо кривилось от боли, но она только пожала плечами:

— Я думаю, в норме. То существо было на самом деле?

— Ещё бы, — сказал я.

— Но это... Это же не...

— Человек? — подсказал я. — Нет. Но, черт возьми, малышка, множество людей, которых я знаю, не являются людьми по-настоящему. Взгляни вокруг. Банди, Мэнсон и другие звери. Прямо здесь, в Чикаго — Варгасси, работающие в Маленькой Италии, ямайские банды и остальные. Все они звери. Мир полон ими.

Девчонка фыркнула. Я посмотрел на ее лицо. Она выглядела грустной и слишком мудрой для ее возраста. Мое сердце смягчилось.

— Я знаю, — сказала она. — Мои родители немного похожи на них. Они не думают о других. Только сами о себе. Даже не друг о друге, а только о том, что они могут друг для друга сделать. И я для них — что-то вроде игрушки, которую кладут в шкаф и вытаскивают,

когда приходят гости, поэтому я должна быть красивее и безупречнее, чем остальные игрушки. В остальное время я не должна путаться под ногами.

— Эй, перестань. Неужели всё так плохо? — спросил я.

Она посмотрела на меня, затем отвела взгляд.

— Я не вернусь к ним, — сказала она. — Мне все равно, кто ты и что можешь сделать. Ты не сможешь заставить меня вернуться.

— Кое в чем ты не права. Я не собираюсь оставлять тебя здесь.

— Я слышала, как ты говоришь со своим другом. Мои родители хотят подставить тебя. Почему ты продолжаешь выполнять эту работу?

— Шесть месяцев я должен работать на лицензированного сыщика, прежде чем смогу получить собственное свидетельство и уже наслушался дурацких историй о том, что случается с убежавшими детьми в больших и жестоких городах после наступления темноты.

— По крайней мере, мистер, тут никто не пытается лгать и говорить, что позаботится обо мне. Весь этот Дисней все время показывает, насколько родители любят своих детей. Будто бы есть какие-то волшебные узы любви. Но это ложь. Так как ты солгал этому троллю, — она положила голову на мое плечо и я почувствовал ее усталость, когда она обвисла в моих руках. — Нет никакого волшебства.

Некоторое время я молчал и только нёс её. Трудно было услышать такое от ребенка. Мир десятилетней девочки должен быть полон музыки и хихиканья, и записок, и кукол, и мечтаний, а не резкой, пустой и утомленной действительности. Если у маленькой девочки, такой как эта, нет ни капли света в сердце, то на что мы можем надеяться?

Через несколько мгновений я понял то, в чем не признавался даже себе. Спокойный, холодный голос пытался сказать мне кое-что, что я не хотел слышать. Я пытался помочь людям с помощью волшебства. Пробовал сделать мир лучше. Но независимо от того, скольким злым духам я противостоял, независимо от того, скольких потенциальных чернокнижников я разыскал, всегда было что-то ещё, худшее, ждущее меня во тьме. Все равно, скольких потерянных детей я нашел — всегда будет в десять раз больше тех, кто исчез навсегда.

Независимо от того, что я сделал, сколько хлама вычистил — это лишь капля в океане.

Тяжелые мысли для парня, подобного мне, уставшего и побитого, с затекшими от веса девочки руками.

Вспыхивающие огни заставили меня оглядеться. Вход в один из переулков между зданиями был затянут полицейской лентой. Четыре автомобиля с синими крутящимися сиренами были припаркованы на улице, вокруг переулка. Несколько медиков несли носилки с закрытыми телами на них. Фотокамеры освещали улицу белыми вспышками.

Я остановился в замешательстве.

— Что? — пробормотала девочка.

— Полиция. Возможно я должен передать им тебя.

Она утомленно пожала плечами.

— Они просто отведут меня домой. Мне все равно, — она снова обвисла у меня на руках.

Я сглотнул. Астры являются чикагской элитой. У них имеется достаточно влияния, чтобы взять за задницу будущего частного сыщика и убрать его куда подальше на долгое-долгое время. И они могут позволить себе лучших адвокатов.

«Это паршивый мир» — сказал мне тихий, холодный голос: «Хорошие парни в нем не побеждают, если у них нет дорогого поверенного. Ты окажешься в тюрьме, прежде чем успеешь моргнуть»

Мой рот искривила ожесточенная усмешка, когда женщина, одна из копов, одинаковых в своей униформе, бросила на меня пристальный хмурый взгляд. Я отвернулся и пошел в другую сторону.

— Эй! — окликнула полицейская. Я продолжал идти. — Эй! — крикнула она снова и я услышал шум ее быстрых шагов по тротуару.

Я зашел в темноту и поспешно свернул в первый же проулок. Тени позади груды корзин создавали прекрасное убежище и я скрылся там вместе с девочкой. Я присел и ждал в темноте, в то время как шаги полицейской приблизились и отдалились. Я ждал, чувствуя, как напряжение и тьма давят на мою кожу, впитываются в мою плоть. Девочка дрожала в моих руках, но не двигалась.

— Просто оставь меня, — наконец шепнула она. — Перейди через мост. Если меня с тобой не будет, ты ведь сможешь?

— Да, — сказал я.

— Так иди. Я подойду к полицейским, после того, как ты уйдешь. Или сделаю что-то вроде того.

Она лгала. Я не знаю, как я это понял, но был уверен.

Она пошла бы к мосту.

Говорят, храбрость заключается в том, что ты делаешь то, что должен, несмотря на свой страх. Но, мне кажется, храбрость намного более сложна. Когда мы повержены, она заставляет нас вновь подняться с земли. Совершить последнюю попытку, даже если ни желания, ни сил уже не осталось. Хотя, может быть, это простое упорство. Я не знаю. Это не имеет значения. Для меня.

Я — волшебник. Я не принадлежу этому.

Наш мир, конечно, сплошное болото. Это удовлетворяет и троллей, и вампиров и всех тех, отвратительных, потусторонних существ, что часто посещают наши кошмары (в то время как мы прижимаем к груди книги по физике и уверяем самих себя в том, что они не существуют), но я не таков.

Я вздохнул в темноте и спросил:

— Как тебя зовут?

Мгновение она молчала, прежде чем прозвучал ее неуверенный голос:

— Фейт. (faith — вера, англ.)

— Фейт, — я улыбнулся так, чтобы она почувствовала улыбку в моем голосе. — Меня зовут Гарри Дрезден.

— Привет, — прошептала она.

— Привет. Ты когда-нибудь видела что-нибудь вроде этого?

Я изогнул чашей ладонь, вызвал немного оставшейся силы, и бросил её в кольцо, засиявшее теплым, полыхающим светом. Он осветил лицо Фейт и я увидел мокрые полосы от беззвучно текущих слез на ее щеках.

Она покачала головой.

— А теперь, позволь показать тебе ещё кое-что, — я снял кольцо со своей руки и надел Фейт на большой палец, где оно болталось почти свободно. Свет погас, поскольку я перестал поддерживать его, оставив нас в темноте.

— Батарейка кончилась, — буркнула девочка. — А у меня нет денег на другую.

— Фейт, ты помнишь самый лучший день в своей жизни?

С минуту она молчала, затем промолвила бесцветным шепотом:

— Да. Рождество. Когда Гремма ещё была жива. Гремма была добра ко мне.

— Расскажи мне об этом, — сказал я убеждающе и накрыл ее руку своей.

Я почувствовал, как она пожимает плечами.

— Гремма приехала в Сочельник. Мы играли — она играла со мной. А потом мы сидели под Рождественской елкой, поджидая Санта Клауса. Она позволила мне открыть один подарок до Сочельника. Тот, который она приготовила для меня.

Фейт прерывисто вздохнула

— Это была куколка. Куколка, похожая на настоящего ребенка. Мать и отец купили для меня набор Барби, всю линию, выпущенную за тот год. Она говорили, что если бы я оставила их в первоначальных упаковках, тогда позже их можно было перепродать за большие деньги. Но Гремма слушала меня и знала, что я действительно хочу, — в ее голосе появилась легкая улыбка. — Гремма заботилась обо мне.

Я шевельнул рукой и мягкий розоватый свет полился из кольца — любящее, нежное сияние. Фейт задохнулась от неожиданности, а затем восхищенная улыбка расцвела на ее лице.

— Но как? — пролепетала она.

Я улыбнулся ей:

— Магия. Самая лучшая её разновидность — немножко света в темноте.

Она вглядывалась в меня, изучая лицо и глаза. Я уклонился, стараясь не встретиться с этим пристальным взглядом.

— Мне ведь нужно вернуться, правда? — спросила она.

Я отвел выбившуюся прядку с ее лба.

— Есть люди, которые любят тебя, Фейт. Или когда-нибудь будут. Пусть ты не видишь их рядом с собой — прямо здесь и прямо сейчас, они существуют. Но если ты позволишь тьме застит глаза, то можешь их никогда не найти. Лучше иметь с собою в пути немного света. Как думаешь, ты сможешь это запомнить?

Она кивнула мне, а кольцо освещало ее лицо.

— Всякий раз, когда тьмы станет слишком много, вспоминай хорошие времена, что у тебя были, хорошие вещи, которые у тебя есть. Это поможет, я обещаю.

Она прижалась ко мне в простом, доверчивом объятии. Я почувствовал, как мои щеки нагреваются. Блин!

— Нам нужно идти. Мы должны перейти через мост и встретить моего друга Ника.

Она сразу же заволновалась и прикусила губу.

— Но тролль...

Я подмигнул:

— Оставь его мне.

Девочка не казалась такой тяжелой, когда я нес ее назад. Я изучал мост, по мере того, как мы приближались. Возможно, если удача повернется ко мне, я успею перебежать мост безо всяких троллей.

Ага. А возможно, я однажды приду в художественный музей и стану хорошо образованным.

Мосты — специальность троллей. Какая магия или просто способность в том виновна, неизвестно, но никогда нельзя пересечь мост, не столкнувшись с троллем. Такова жизнь, я думаю.

Я поставил девочку на землю рядом с собой и шагнул на мост.

— Ну, Фейт, — сказал я. — Что бы ни случилось, ты должна перебежать этот мост. Мой друг Ник подъедет с минуты на минуту.

— А как же ты?

Я отвесил ей небрежный поклон.

— Я - волшебник. Я смогу справиться с ним.

Фейт одарила меня в высшей степени скептическим взглядом, а потом нащупала мою руку. Ее пальчики казались очень маленькими и теплыми в моей ладони и волна свирепой решимости прокатилась сквозь меня. Может случиться всякое, но навредить этому ребенку я не позволю.

Мы вышли на мост. Те немногие фонари, что ранее светили, теперь потухли. Работа Гогота, несомненно. На мосту правила ночь, а где-то под нами булькала Чикагская река, гладкая и холодная.

— Мне страшно, — прошептала Фейт.

— Он — всего лишь хулиган большого размера, — сообщил я ей. — Осади его и он отступит, — я надеялся, очень сильно надеялся, что не ошибся.

Мы продолжали идти и обошли люк в середине моста, причем я поместил себя между девочкой и входом в логово тролля.

Гогот наверняка рассчитывал на это.

Услышав крик Фейт, я повернул голову и увидел толстую, волосатую руку тролля,

протянутую к нам, в то время как сам тролль огромным, жирным пауком висел на краю моста. Я зарычал и опять ударил его ногой по пальцам, отчего тролль гневно взревел. Фейт была свободна и я почти швырнул ее к дальней стороне моста.

— Беги, Фейт!

Рука тролля сбила меня с ног, а затем он выпрыгнул из-за перил моста, невероятно ловкий и гибкий для своих размеров. Горящие глаза сосредоточились на убегающей Фейт и струйки склизкой слюны брызнули из его рта. Он рассек топором воздух и присел, чтобы прыгнуть к ребенку.

Я вскочил на ноги и с криком бросился вперед, обхватив лапу тролля своими длинными ногами, чтобы помешать прыжку. Рыча от ярости, тролль кувырком полетел на землю. Я услышал собственное придушенное кудахтанье и ощутил, что одна из моих ног свободна.

Тролль сгреб меня за края куртки и швырнул на перила моста так, что у меня в глазах замелькали звезды.

— Волшебник, — из пасти тролля летела слюна и пена. — Сейчас ты умрешь и я разгрызу твои кости.

Я поднялся, но слишком поздно. Не убежать и не перепрыгнуть через перила.

— Гарри! — раздался крик Фейт, вспышка розового света затопила мост, отчего уродливая голова тролля резко отвернулась к дальней стороне реки. Я повернулся влево и бросился бежать — к Фейт, прочь от тролля. Посмотрев вперед, я увидел как ревущий автомобиль Ника на высокой скорости подъезжает к мосту — мой партнер видел, что происходит.

Тролль преследовал меня и, хотя я имел небольшую фору, у меня появилось подозрение, что чудовище куда легче на ногу, чем я. Раздался свист воздуха, рассекаемого топором, и я ощутил как что-то пролетело мимо моего скальпа. Я пригнулся, увернувшись вправо. Второй сильный удар прошел на более близком расстоянии. Я споткнулся и упал, а спустя один удар сердца, тролль уже стоял надо мной. Я перевернулся как раз вовремя, чтобы увидеть, как он поднимает свой топор и заносит над головой, и почувствовать брызги слюны на своей груди.

— Волшебник! — проревел тролль.

Вдруг раздался вопль, а потом коп, преследовавшая нас раньше, прыгнула на спину троллю и перехватила полицейской дубинкой его горло. Она профессионально крутанула дубинкой, отчего глаза тролля выпучились. Огромный топор выпал из ослабевшей хватки и, кувыряясь, с лязгом ударился о тротуар.

Полицейская отклонилась назад, чтобы согнуть хребет тролля — но он не был человеком, с которыми она прежде имела дело. Существо повернуло голову, скорчилось и высвободилось из ее захвата, а затем распахнуло пасть в взбешенном реве. Этот рев буквально сдул форменную кепку с головы полицейской и отбросил назад ее саму с изумленно распахнутыми глазами. Взбешенный тролль хлопнул кулаком о тротуар, взломав его, и протянул другую лапу, чтобы сокрушить череп женщины.

— Эй, урод! — выкрикнул я.

Тролль обернулся и успел увидеть, как я, хрюкнув, обрушил на него его же здоровенный топор.

Грязная, гниющая плоть ниже ребер взорвалась с громким, воющим звуком. Гогот запрокинул голову и пронзительно завопил. Я отступил, зная, что последует дальше.

Бедная полицейская, побелев от ужаса, смотрела как из зияющей раны в брюхе тролля льются сотни, тысячи крохотных, извивающихся, орущих и визжащих фигурок. Массивные мускулы чудовища опадали, словно сдуваемые баскетбольные мячи, и оседали на поверхность моста. Мириады крошечных троллей усеяли его, подобно мелкому мусору, их уродливые маленькие головки были не больше головы президента на монете. Орда мерзко корчащихся существ хлестала из Гогота бурным потоком.

Щеки тролля запали, а глаза исчезли, рот его распахнулся в беззвучном крике. Кожистый, грязный мешок, оставшийся от Гогота, после освобождения кучи мелких

троллей, опустился на землю, где остался лежать отвратительным, брошенным плащом.

Коп смотрела, пытаясь собрать слова не то для молитвы, не то для проклятия, но её рот все никак не мог закрыться. Свет фар Ника сделал разворот, осветил мост и с двумя десятками тысяч протестующих криков троллевая мелюзга врассыпную бросилась прочь от света.

Несколько секунд спустя, на мосту остались только я, коп, Фейт и Ник, идущий к нам. Фейт стремглав подбежала ко мне и обхватила за талию. Ее глаза ярко сверкали от волнения.

— Это было самое отвратительное зрелище, которое я когда-либо видела. Я хочу быть волшебником, когда вырасту.

— Это... Это был... — ошеломленно лепетала полицейская. Она была низкорослой и коренастой, а потеря кепки открыла туго заплетенные, светлые волосы.

Я подмигнул Фейт и кивнул полицейской:

— Тролль. Знаю.

Я поднял кепку и встряхнул ее. Несколько троллей, вереща, выпали на землю и пустились в бегство. Коп наблюдала за этим ошарашенным взором.

— Эй, большое спасибо, офицер... — я покосился на ее значок. — Мерфи, — улыбнулся и предложил ей кепку.

Она взяла ее негнушимися пальцами.

— О, Иисус, я действительно ее потеряла, — она моргнула несколько раз, а затем внезапно нахмурилась, всматриваясь в мое лицо. — Вы. Вы обвиняетесь в похищении ребенка Асторов.

Я открыл рот, чтобы начать защищаться, но, оказалось, нужды беспокоиться не было.

— Вы шутите? — расхохоталась Фейт Астор. — Этот... клоун? Похитил меня? Да он не сумел бы отличить свою задницу от сигареты «Мальборо», — она обернулась и подмигнула мне, а затем протянула свои запястья Мерфи. — Я признаюсь, офицер. Я сбежала. Посадите меня в тюрьму и выбросьте ключ.

Надо отдать Мерфи должное, для того, кто только что противостоял монстру из-под кровати, она казалась достаточно спокойной и собранной: — она повесила свою дубинку на пояс и подошла к Фейт, осматривая ее в поисках повреждений, перед тем, как вперить в нас с Ником подозрительный пристальный взгляд.

— Ого-го, мальчик, — сказал Ник, его широкая и грузная фигура остановилась прямо за моей спиной. — Вот так-так! Ты получишь верхнюю койку, ходуля, но пользоваться после тебя мылом в душе я не стану.

Коп посмотрела на меня и Ника. Потом на девочку. Затем, более задумчиво, на грудь кожи, которая была троллем Гоготом. Ее взгляд метнулся назад к нам с Ником и она произнесла:

— Не вы ли те двое, что управляют «Оборванным Ангелом», тем агенством, которое разыскивает потерявшихся детей?

— Я управляю им, — сказал Ник смиренным голосом. — Он работает на меня.

— Да, всё, как он говорит, — добавил я, чтобы не дать Нику входить одному в большую, темную комнату.

Мерфи кивнула и взглянула на девочку:

— С тобой всё хорошо, сладкая?

Фейт фыркнула и улыбнулась.

— Немного голодна и хотела бы помыться, но в остальном — я в полном порядке.

— И эти двое не похищали тебя?

Фейт закатила глаза:

— О, пожалуйста...

Мерфи кивнула и ткнула полицейской дубинкой в меня и Ника:

— Я должна сообщить об этом. Вы, двое, исчезаете прежде, чем здесь появится мой напарник, — она хитро посмотрела на Фейт. Та усмехнулась в ответ.

Мерфи повела девочку на другую сторону моста, к остальным полицейским, а мы с

Ником отправились к его автомобилю. На широком, честном лице Ника было написано выражение возбужденного ликования.

— Я не могу поверить, — говорил он. — Это просто невероятно! Это был, как бишь его там, тролль?

— Его звали Гогот, — сказал я бодро. — Ещё очень и очень долго на этом мосту разве что крошкам хлеба будут угрожать тролли.

— Мне всё не верится, — проговорил Ник снова. — Я уж думал — всё, наша песенка спета, а тут... Никак не могу поверить.

Я оглянулся. Вдали, на дальнем берегу реки, маленькая девочка встала на цыпочки, прощально размахивая рукой. Мягким розовым светом лучилось ее кольцо на большом пальце. Полицейская тоже посмотрела на меня с задумчивостью во взоре, а затем улыбнулась.

Современная жизнь — одна большая трясина. И мир, в котором мы живем, может быть темным местом. Но, по крайней мере, я не должен быть в нем один.

Я обнял Ника за плечи и ухмыльнулся:

— Разве я не говорил тебе, дружище? Просто верь.